

УДК 070.1

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.1.230

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ СКУЛШУТИНГА

Л. А. Шувалов

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье исследуются психологические особенности восприятия информации при освещении скулшутинга. Особое внимание уделяется вопросам fake-news, которые порождают информационные парадоксы. Средства массовой информации в такие моменты становятся площадкой для обсуждения важных социальных проблем, а для многих даже своеобразным мемориалом памяти жертвам, что заставляет СМИ принимать на себя новые функции.

Ключевые слова: *скулшутинг, Колумбайн, информационный парадокс, амок, средство массовой информации, моральная паника, психология, стереотипы.*

Скулшутинг – это вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на школьников и преподавателей внутри учебного заведения [3]. Исследователь К. Ньюман выделяет следующие характерные черты данного явления:

1. Публичность атаки, которая связана с открытостью образовательной среды.
2. Наличие группы лиц, на которых совершается нападение.
3. Хаотичность нападения или, наоборот, конкретизация при выборе жертв, часто имеющая четкое символическое значение.
4. Наличие одного или нескольких стрелков, которые являются учениками, студентами или выпускниками (бывшими учениками) учебного заведения [8, с. 50].

Невозможно рассматривать влияние СМИ на изучаемое явление без связи с психологией и психиатрией. Зачастую акты скулшутинга называют взятым из психиатрии термином «амок» (с нем. *amoklauf*), которым описывают иррациональный взрыв безумной агрессии, сопровождаемый серией немотивированных убийств и нередко заканчивающийся суицидом преступника [2]. Данное понятие связывают и с реакцией СМИ на происходящее. Это сопряжено с известным психологическим стереотипом, так называемым “эффектом третьего лица”, или склонностью людей считать, что другие более восприимчивы к негативному воздействию средств массовой информации, чем они сами [9, с. 355].

© Шувалов Л. А., 2023

В тех случаях, когда СМИ неоправданно много пишут о скулшутинге, они могут спровоцировать то, что именуется термином «моральная паника», впервые примененным по отношению к СМИ Д. Гонтлеттом в 1995 г., а затем дополненным Н. Фергюсоном в 2010 [7, с. 54]. Моральная паника возникает, когда члены общества считают, что их личные ценности и интересы находятся под угрозой [5, с. 147].

Сущность моральной паники связана с общественным страхом, при котором агрессор пытается нанести вред и/или разрушить саму структуру общества. Наиболее полное определение дано С. Коэном, по которому моральная паника – «возникшая ситуация <...> которая определяется в качестве угрозы общественным ценностям и интересам: их паническая природа представлена в стилизованной или стереотипной манере средствами массовой информации; моральные баррикады укомплектованы редакторами, епископами, политиками и другими здравомыслящими людьми. <...> Иногда предмет паники совершенно новый, а в других случаях это нечто, что существует достаточно давно, но попадает внезапно в центр внимания. Иногда паника проходит и забывается, а иногда она имеет серьезные и длительные последствия и может привести к изменениям в правовой и социальной политике или даже в том, как общество воспринимает себя» [Там же, с. 148].

Моральная паника, возникающая из-за скулшутинга, содержит в себе особые элементы. Первым таким элементом является страх, который возникает после каждого известия о скулшутинге и рассматривается как серьезная угроза обществу. К примеру, после каждой стрельбы в школе СМИ достаточно долго удерживают новые сообщения о данном событии на первых страницах газет и журналов, на главных страницах своих сайтов и зачастую ведут прямые эфиры с места событий. И тем самым поддерживают уровень страха в обществе.

Другим элементом моральной паники, вызванной скулшутингом, является враждебность. В основном она проявляется в желании все запретить, покарать или наказать. В такие моменты «возникает соблазн искать простые, часто карательные решения сложных проблем» [Там же, с. 153].

Еще одним элементом моральной паники, вызванной скулшутингом, является непропорциональность реакции. Уровень страха погибнуть от скулшутинга гораздо выше, чем страх умереть, например, от удара молнии, однако статистика говорит об обратном. Вероятность того, что в ребенка ударит молния, выше, чем вероятность его насильственной смерти в школе. Число американских детей, погибающих во время насилия в школах, составляет примерно половину процента американцев, ежегодно погибающих от удара молнии [Там же, с. 154].

Моральная паника становится таковой благодаря СМИ, которые представляют ее в качестве социально значимой проблемы, решение ко-

торой просто необходимо найти в данный момент времени. Это культурные конструкции, которые используются СМИ для передачи убедительных рассказов и захватывающих историй. К этому присоединяются политические деятели, которые усердно вносят все новые и новые законопроекты об ограничениях всего и сразу. Зачастую подобные предложения остаются предложениями до нового случая скулшутинга [1].

СМИ в данном случае выступают «кривым зеркалом», уделяя непропорциональное внимание скулшутингу, что искажает реальную картину произошедшего. Это приводит к тому, что потребитель считает убийства детей безудержным и неконтролируемым процессом, который вот-вот заполнит собой все окружающее образовательных учреждений. К этому подключаются эксперты, которые дают свои комментарии для СМИ, создавая из этого явления «очередную историю из наметившейся тенденции» [Там же].

Существует исследование, упоминаемое Дж. Айвори, М. Оливером и О. Маглалангом [6, с. 4], в котором изучено влияние стереотипов на восприятие скулшутинга. В этом исследовании участникам, подавляющее большинство из которых были белыми американцами, была представлена фальшивая новостная статья, описывающая массовую стрельбу в школе, совершенную преступником. Вымышленная стрельба предполагала, что преступником выступал молодой человек, увлеченный жестокими видеоиграми. Все участники эксперимента получили одну и ту же версию истории, но с одним ключевым отличием: изображение преступника было случайным образом изменено – он мог быть либо белым, либо афроамериканцем. Когда им задавали вопросы об этой истории, участники, в чьей истории фигурировал образ белого преступника, с большей вероятностью оценивали использование преступником видеоигр в качестве основного фактора преступления. А вот те участники, в чьей истории фигурировал образ чернокожего преступника, искали причину в социальной сфере.

Подобная стереотипность присутствовала и в реальности. В 1999 году после стрельбы в школе «Колумбайн» «представители СМИ пытались подогнать Эрика и Дилана под стереотип ученика, открывающего стрельбу в школе, то есть образ во многом мифический, надуманный и неправильный. Дети (в своих интервью журналистам) практически всегда соглашались с предположениями журналистов» [4, с. 210].

Журналисты, которые освещали события на месте происшествия, без колебаний признавали, что этические стандарты были нарушены из-за конкурентного давления. Звонки по мобильным телефонам от учеников, которые в этот момент все еще находились в школе, неоднократно транслировались в прямом эфире, несмотря на то, что вещатели имеют строгие запреты на передачу в эфир мнений кого-либо из заложников.

При освещении событий в «Колумбайне» эта директива была проигнорирована. Кроме того, звонки выпускались в эфир без проверки их подлинности, и в результате несколько рассказов дозвонившихся оказались выдумкой.

Помимо морально-этических нарушений этот случай характеризуется большим количеством фейков. Например, многие журналисты сообщали о смерти Ричарда Кастальдо, который на самом деле находился в больнице с ранениями. Такие ошибки приписывались к «канцелярским». Однако многие неточности были результатом чрезмерно нетерпеливых репортеров, желающих оставить свой след в освещении трагического события 1999 года.

В репортаже о «Колумбайне» телеканал KUSA-TV опубликовал фотографию студента и ошибочно идентифицировал его как стрелка Эрика Харриса. Неправильное изображение впоследствии транслировалось не только на местном, но и на национальном уровне, и попытки найти и удалить несколько копий фотографии невиновного человека продолжались в течение нескольких дней [9]. Аналогичная ситуация произошла и в современной России. В 2018 году появилась информация, что 18-летний Владислав Росляков, устроивший взрыв и стрельбу в Керченском политехническом колледже, якобы зарегистрирован в соцсети «ВКонтакте» под псевдонимом Владислав Рейх. Однако страница Владислава Рейха на самом деле принадлежит Владиславу Дивизе, который даже никогда не учился в учебном заведении, где произошла трагедия. Семья Владислава, его друзья и близкие стали получать многочисленные угрозы и оскорбления в свой адрес.

Такие *fake-news* имеют долгосрочные последствия. При освещении все того же события в Керчи в 2018 году СМИ в своих ранних новостных заметках опубликовали информацию о нескольких стрелках. Однако последующая официальная информация от Следственного комитета опровергла это – стрелок действовал один. Подобные *fake-news* создают информационные парадоксы – большая часть аудитории до сих пор верит в то, что скулшутер был не один, а стрелки связаны с секретной спецоперацией ФСБ. Это заставляет конспирологическую часть аудитории создавать теории о подготовке массовых репрессий против крымских татар.

После событий в школе «Колумбайн» газета «Denver Post» вышла с заголовком на первой странице о начавшемся процессе «заживления и примирения». Этот заголовок появился через тридцать шесть часов после теракта. Священники, психиатры и психотерапевты, помогавшие справиться с утратой и горем, поморщились и сокрушенно покачали головами. Было слишком рано делать такие необдуманные заявления. Журналисты желали только самого лучшего, но то, что они написали, не обра-

довало читателей и жителей округа. В течение нескольких последующих недель все чаще и чаще раздавались голоса, напоминающие о том, что жизнь продолжается, и призывающие двигаться дальше, однако многие из тех, кто пережил трагедию, придерживались несколько другого мнения [4, с. 308].

Некоторые студенты и преподаватели школы «Колумбайн» ходили в футболках с надписью «Отцепись», чтобы продемонстрировать свою позицию журналистам, не давая им никаких комментариев. На новый учебный год «на церемонию согласились явиться тысячи родителей и их соседей, чтобы образовать щит, который и даст отпор прессе. Этот живой щит сыграл не только символическую, но и практическую роль – он не дал репортерам возможность присутствовать на церемонии. Благодаря ему они просто не смогли увидеть происходящее и представить его в нужной им интерпретации. «Средствам массовой информации преградят путь не стены и двери с замками, а человеческая стена, олицетворяющая собой укор. И пусть они только попробуют ее преодолеть» [Там же, с. 314–315].

Список литературы

1. Гордеев В. Кремль счел новое поручение Путина по оружию поводом проверить предыдущее [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/12/05/2021/609bb65c9a79470fc18b2891> (дата обращения 11.12.2022).
2. Гурков А. Стрельба в школе в Казани: как ФРГ пережила такие трагедии [Электронный ресурс] // DW: Made for Minds. URL: <https://www.dw.com/ru/strelba-v-shkole-v-kazani-kak-frg-perezhylo-takie-tragedii/a-57507779> (дата обращения 20.01.2022).
3. Делибалт В. В., Богданович Н. В. Скулшутинг: как понять причины и предотвратить? [Электронный ресурс] // Информio. URL: <https://www.informio.ru/publications/id5611/Skulshuting-kak-ponyat-prichiny-i-predotvratit> (дата обращения 06.01.2022).
4. Каллен Д. Колумбайн. М.: Like Book, 2019. 608 с.
5. Burns R., Crawford C. School shootings, the media, and public fear: Ingredients for a moral panic. *Crime, Law & Social Change*, 1999. Pp. 147–168.
6. Ivory J. D., Oliver M. B., Maglalang O. M. He doesn't look like the games made him do it: Racial stereotype activation in estimates of violent video games' influence on violent crimes. *Psychology of Popular Media Culture*. 2019. Pp. 1–6.
7. Muschert G. W., Sumiala J. School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age (Studies in Media and Communications) (Studies in Communications). Emerald Publishing Limited., 2012. 300 p.
8. Newman K. S., Fox C., Roth W., Mehta J., Harding D. Rampage: The social roots of school shootings. NY: Basic Books., 2005. 424 с.
9. Perloff R. M. The Third Person Effect: A Critical Review and Synthesis. *Media Psychology*, 1999. Pp. 353–378.

THE PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE ACTIVITY OF THE MEDIA WHEN COVERING SCHOOLSHOOTING

L.A. Shuvalov

Tver State Univeristy, Tver

The article examines the psychological characteristics of the perception of information when covering school-shooting. Particular attention is paid to fake-news issues that generate informational paradoxes. The media at such moments become a platform for discussing important social issues, and for many even a kind of memorial to the victims, which forces the media to take on new active roles.

Keywords: *school shooting, Columbine, information paradox, amok, mass media, moral panic, psychology, stereotypes.*

Об авторе:

ШУВАЛОВ Лев Алексеевич – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: shuvalov.lev@inbox.ru.

About the author:

SHUVALOV Lev Alekseevich – Postgraduate Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: shuvalov.lev@inbox.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.02.2023 г.

Дата подписания в печать: 27.02.2023 г.